

«ЗОДЯК»
И ЕГО ГОСТИ

Литературная
страница

Сегодня —
Пушкинский
день
России

Анатолий Прядкин

Медитация
перед сном

Никаких волнений!
Будь спокойна,
Родина безбрежная моя!
Все идет нормально,
все законно,
Как в любых подблачных
краях.
Никаких волнений и эмоций!
Чувства выгла солнечная
явь,
Как в концертном зале
скрипка Моцарта,
Как в овраге трели соловья.

Никаких сюрпризов!
Будь спокойна,
Родина незримая моя...
Словно в детстве,
словно под иконой,
Засыпаю, о тебе молясь.

Границы бытия

Нарушены границы бытия,
Но не наказан злостный
нарушитель!
Быть может, был им тайный
небожитель,
Быть может,
был самолюбивый я.
Кто слышал, как устроена
Земля!

Никто! И не клянитесь,
не божитесь,
От радости и смейтесь,
и пляшите,
Тяните вверх:
до-ре-ми-фа-оль-ля!
Финальное не вытянули «си»!
Бывает и такое на Руси!
На все на свете существуют
квоты,
Вот тем-то и опасны рубежи,
На небесах, на землях и на водах
Они давно смертельны
для души.

Перстень

Ты себя не узнала б, Кашира,
Словно в зеркало, глянув
в Оку!
Сколько бархата, и крепдешина,
И спортивных костюмов вокруг!
Сколько светлых улыбок и песен,
Сколько праздничной, глянь,
суеты!
Заглядевшись,
с руки своей перстень
Уронила нечаянно ты.
И тому, кто найдет,
быть с тобою,
Быть под стать ненаглядной
тебе
И ходить за капустой на пойму,
Перед редькой в гостях
не робеть.

Ты себя не узнала б, Кашира,
Размечтавшись на свой юбилей!
Но не пей самогонки паршивой,
Наскрести на казенку сумей.
Юбилей отмечай очень
скромно,
А на праздничный стол
не скупись!
Может, Ступино вместе
с Колодной
Да Зарайск приготовят сюрприз!
О Москве вспоминать и не буду,
Что тебе ожидать от Москвы!
Может, слышала ты пересуды —
Не услышала правды, увы.

Шесть веков с половиной
проплыло
По Оке неизвестно куда,
И не купишь сапожного шила,
С солью тоже случалась беда.

Шесть веков с половиной...
о, Боже,
Всем потерям земным вопреки
Не уронишь, Кашира, ты больше
Перстень свой, что нашли
мужики!

Пусть он станет твоим
талисманом,
Чтоб на следующий юбилей
Нам морскую капусту
с кальмарами
Привезли. И крутых кренделей.

А сегодня взметни голубей!

Мария Горелова

ЧИТАЯ ПУШКИНА

Листаю тихие страницы,
И мне по-прежнему мила
Голубоокая девица,
Что за водой по утрам шла.

Она, Елена или Маша,
Идет по утренней росе,
Цветут на кофточке ромашки,
Нарядна ленточка в косе.

И незабвенная лачужка
Чудесной царского дворца,
Там — Александр Сергееч
Пушкин,
Там — жизнь и песне нет конца...

Поэта мудрое бессмертье
Мы вечной юностью зовем,
Его стихи читают дети —
Не потому ли рифмы эти
Мне — свет, и тень, и сад, и доми!..

Раздумий трепетные миги
В созвучьях пламенных ловлю,
Цветок, засохший в старой книге,
Жалею, помню и люблю...

...И снова я у Синя-морья
Вхожу в рыбацкое жильце,
И золотое Лукоморье,
Как детство давнее мое!

Царевна-лебедь обернулась
Далекой юностью, и ей
Уже Татьяна улыбулась,
Марию любит Хан-Гирей.
И в старом замке Кочубей
Грустит о дочери своей...

Но, чу! Опять взыграли войны,
Натянут парус! В добрый час!
И расправляет крылья
«Вольность» —
Поэта вдохновенный глас.

Листаю тихие страницы...
Скорбит, скорбит моя душа,
Судьба Земфиры-чаровницы
В последний раз предрешена!

И байроническую драму
Чиста, свободна, высокая,
Весь мир страстей
Дарует миру
Поэта щедрая рука!

Юрий Воронин

Весны

Распрекрасная, расторопная
К нам на фронте пришла весна!
И расстрельная жизнь окопная
Никому уже не страшна.

Старики и безусые воины —
Распоследний резерв страны —
Той войною вдоволь напоены,
А теперь от весны хмельны.

И девочки в полках
без мальчиков,
Отбобивши объекты в ночи,
Спят с охапками одуванчиков,
Не разбудишь —
кричи не кричи.

Штабники в обстановке
секретности
И на Пасху, Господь,
прости...

Не оставят фронты
в неизвестности —
Скоро всем в наступленье
идти!

Март. Апрель. И Берлин.
И Победа.
Та, что видели в сладких снах.
А пока сквозь разрывы
и беды
По рокадам идет весна.

х х х
Что за русская забава
Эти масляные сны!

Вся Кашира, словно пава,
Нарядилась на блины!
Все подобно карнавалу.
Низко стелятся дымь...
И согласно ритуалу
Тащат чучело Зимы.

Все пришли с мобильной
связью.
Чу, мобильники звенят.
Шутовскою грезят казныю
Или с домом говорят...

Перекрыты все проулки;
А народ валит, валит.
Ребяташки быстры, юрки,
Добавляют колорит.

Так, Кашира, ты мне снишься:
Март. Веселье и блины.
Птицей Феникс возродиться.
...Три недели до весны!

Наталли Спицина

«Выпал камень,
было три агата...»

В последние дни опять доминали отголоски уже отступающей мало-помалу душевной боли. В незапамятной дали времен разрубило единую душу надвое... За что? Или зачем? Возможно, человеческому существу всегда, до самого воссоединения со своей отсеченной половиной, будет чего-то не хватать. Это «что-то» неуловимо сознанием и до времени ничем не может быть объяснено, ибо покрыто той сокровенной тайной, в которую не первородный ли грех тянется корнями?..
С такими мыслями уснула...

...Была ночь, и она проснулась и встала, чтобы попить. Спустилась по деревянной лестнице с перилами и очутилась в незнакомой большой квартире, которая, несмотря на ночное время, продолжала жить человеческой жизнью.

Было душно. Чувствовалось, что многие годы испарения и чад осели на стенах. И сейчас ощущалось присутствие многих жильцов, изо дня в день занятых каждый своей жизнью и не беспокоившихся о чистоте многонаселенного обиталища. Двери в ком-

ната были открыты. Из белесого сумрака одной из комнат доносились тягостный скрип кровати и сладострастные вздохи.

Ей захотелось поскорее уйти из этого гнетущего места, но деревянной лестницы, по которой она спустилась, нигде не было. Зато тяжелая двусторчатая входная дверь оказалась незапертой. Потянула было за массивную бронзовую ручку, но в последнюю мгновение почему-то изменилось ее намерение, и она, заперев дверь на замок, повернула назад в комнату.

В одной из комнат прямо по коридору увидела силуэт то ли уже поднявшейся, то ли не живившейся вое старухи.

Вошла в комнату слева, узкую, тесную, заставленную шкафом. У правой стены спал ребенок. Склонилась к нему и тут же боковым зрением увидела возникшего в проеме двери мужчину в смутно белеющем исподнем. Бесшумно опустилась за кроватью и стала протискиваться под нее, стараясь не зареветь ночной вазой. Мужчина ее не заметил. Убедившись, что ребенок спит, ушел, скрипя половицами. Она же продолжала прислуши-

ваться к легкому дыханию спящего ребенка. Постель провисала, но странным образом не составляла барьера между нею и спящим, так что, когда ребенок зашевелился во сне и повернулся, он смог нащупать ее голову, но не испугался, а приняв, видимо, за мать, которая прилегла рядом, уютно обнял и снова замер. Стала и она засыпать, согрешившись в чистоте детского присутствия.

Прошло сколько-то времени, ребенок снова зашевелился, и она нехотя проснулась. Помедлив немного, начала осторожно выбирать из-под кровати. На пороге комнаты глаза в глаза ее встретил молодой мужчина. В одно мгновение без слов установилось понимание. Уверенно взял ее за руку и бесшумно, в темноте повел к выходу. Слегка подтолкнув к двери, тихо проговорил вслед: «Встретимся внизу».

Дверь закрылась, и она стала спускаться к выходу, считая этажи. Здесь первый раз всплыла цифра «три». Сколько ждать, было неясно, и хотелось понять, где же она находится. Дом был крепкий, хоть и старый. И, видимо, давно не ремонтировался, а стоял за счет добротной гра-

Татьяна Каминная

Суровый урок

Перепутав сезон, обманувшись осенним теплом, В ноябре расцвела над речушкой притихшей ива. Очень скоро метель своим белым мохнатым крылом Все укроет, чтоб лес дожидая весну терпеливо.

Счастье

Меняются взгляды, меняется мода. Все дальше уходим от чистой природы: В синтетике ходим, едим суррогаты И меряем счастье размером зарплат.

Оно бескорыстно разлито без меры, Хватает на всех и надежды, И только от нас напряжью зависит

Ручная работа

Черты человечьи слепались веками. Бывает, что кто-то похож на кого-то, И все-таки каждый из нас уникален,

Крючок или спицы в руках замелькают, Знакомы и этому творчеству взлеты, И наших любимых вдали приласкают

мотной постройки. Дубовая дверь на третьем этаже еще хранила следы былого величия. Резной орнамент, почти истершаяся позолота напоминали о лучших временах.

Рядом уже стоял его брат. Гораздо старше, но сходство было явным, только волосы темные. Оба художавого телосложения, они были неестественно высоки в этот момент.

Анастасия Осипова

«...Я СНОВА ВСПОМИНАЮ

О ТЕБЕ»

Однажды я забуду о тебе. Сотрутся в памяти твои слова и голос, Забудутся твои черты и образ — Все будет, как в тумане, как во сне.

Ты только иногда мне будешь снится, Мираж из прошлого, и только для того, Чтобы сказать, что не исправит ничего, Что по-другому не могло случиться.

Мы все мосты сжигали за спиной, Остался лишь один, последний — Последняя надежда на спасенье, Да и она не устоит перед судьбой.

Ты скоро станешь и далеким, и чужим. Я буду, может быть, еще смеяться Над тем, что на душе должно остаться, Но почему-то превратилось просто в дым.

И я свяжу всю жизнь свою с другим, Но если будет у меня когда-нибудь сынишка, Я снова вспомню о тебе, родной мальчишка, И назову его я именем твоим.

Когда осень листья неслышно роняла И тихо кружилась над городом ночью, Любовь уходила и нас отпускала, Поняв, наконец-то, что нам не помочь.

И осень сменилась большими снегами, И боль улеглась, и печаль ушла прочь. Вот только на сердце как будто бы камень, В душе поселилась осенняя ночь.

И сколько бы зим ни растаяло летом, И сколько бы лет с той поры ни прошло, Я больше не верю любовным сонетам, Словам, от которых на сердце светло.

И сколько бы весен еще ни сменилось, Не станет в груди сердце биться сильней. Не плачу, не верю, не жду: я смирилась — В любви не везет. И захлопнула дверь.

Один провожает до жарко целует. Другой посвящает стихи и о звездах толкует. Они не похожи, но оба, наверное, любят. И жалко обоих: ответа на чувства не будет.

А есть еще третий, который не любит, Не пишет, не ждет, не звонит, не ревнует. Далекий-далекий, забывтый, забывший, И невозвратимый — как случай давнишний.

Дарья Загородникова

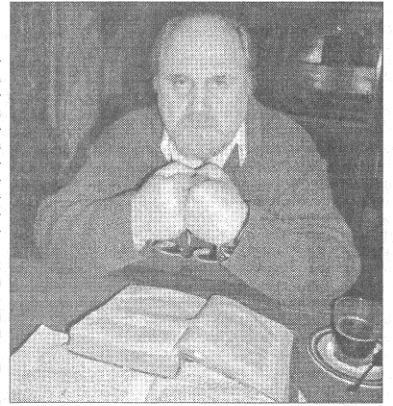
Вчерашний день

Вот теперь ты — вчерашний мой день, Не по той мы дороге шли в рай. Вот теперь я — ушедший твой поезд. И нашли для себя только темень.

Вместо рецензии

Открой мне душу свою...

Алевтина ГРИШИНА

Так получилось, что с Валерием Александровичем Ивановым-Таганским я познакомилась раньше, чем с его литературным творчеством. Живя дачником в деревне Ледово, он, конечно же, не мог не прийти в районную газету, и подолгу, в течение нескольких встреч мы разговаривали о многом, о разном: о творчестве и судьбах русской интеллигенции и народа в двадцатом веке, о Болгарии, где Валерий Александрович прожил долгое время, и о России, о том, как ему нравятся наши, кашарские, места.

У Иванова-Таганского очень богата и личная, и творческая биография. Хотя как их разделить? — Я из семьи военного, — рассказывает он. — Отец защищал Сталинград, командовал там ротой. Весь был изранен. Рано умер. В Сталинграде он познакомился с моей матерью, медицинским работником. Она была невероятно талантлива: пела, танцевала, писала стихи, и по рассказам брата, даже романы. Жили после войны в Кенигсберге, а потом — в Латвии. Как сыновей «окупантов» с братом латыши часто лупили, поэтому пришлось заняться боксом. До сих пор люблю этот вид спорта: нередко боюсь с моим сыном, Валерием Ивановым-Таганским (младшим), который учится сейчас в Суворовском училище.

В Латвии Валерий закончил художественное ремесленное училище, а вообще работать начал рано — с тринадцати лет. Когда исполнилось восемнадцать, пришел в Рижский театр юного зрителя, и с этого момента началась его актерская судьба (в это же время, кстати, и писать начал). Много учились: закончил Щукинское театральное училище, факультет драматургии в Литературном институте, Высшие режиссерские курсы при ГИТИСе.

Многие годы работал в театре на Таганке, сыграл роли Лаэрта и Глумова, Николая I и Дантеса, Дамиса и Керенского. На его счету более пятидесяти поставленных спектаклей: в русском академическом театре им. М. Ю. Лермонтова в Алма-Ате, где был главным режиссером, в Болгарии, где, женатый на болгарке, прожил двенадцать лет, в «САТ» и в родной Таганке — по возвращении несколько лет назад в Россию. Как писатель В. А. Иванов-Таганский состоялся в Болгарии. Именно там вышел в свет его первый роман, успех которого, по словам автора, открыл его, заставил всерьез взяться за литературную работу. И вот уже в России печатаются трилогия «Обреченная на жизнь», роман или... «Грабли для Сатрапа», роман «Семья отечества», по которому в настоящее время снимается телевизионный фильм.

Почему жанр «Грабли для Сатрапа» автор определил как «роман или...»? Ответ на этот вопрос он дал в интервью роман-журналу «XXI век»: «...по Ивану Ильину: «...Художник должен называть всякой вещи тайным, властно-молчаливым зовом: открой мне душу свою! Давы мне верно увидит Божью идею, в тебе сокрытую...». Сегодня каждый из нас пытается понять, куда мчится наша так поэтически воспетая Н. В. Гоголем «Русская тройка», отчего у нее «...вязнут спицы расписные в расплябаные колени». Человек находит через утрату, прозревает в разлуке, крепнет в лишениях, закаляется в страданиях. Но вот куда сегодня устремляется жизнь многонациональной общности народов, наше единое Российское государство — это пока тайное знание. У Бога ясно: да или нет! А у простого смертного — миллионы «или». Вот и получается: «Роман или...».

«Открой мне душу свою!...» Воистину так. Читая произведения Иванова-Таганского, особенно «Обреченную на жизнь», как бы близко знакомишься с писателем, постигаешь его сущность как человека. События романа узнаваемы, узнаваемы и некоторые персонажи. Все близко, все рядом, и главный герой — Владимир Ильин — современник, а для многих и сверстник, и его жизнь — это жизнь каждого из нас, независимо от того, на каком поприще мы заняты, в какой семье родились и живем, какая страна нас приютила после развала Союза. Прав Виктор Розов, написавший во вступлении к трилогии, что самая характерная черта этой книги — проникновение и что чтение ее требует предварительного настроения, сопричастности. «Это текст и текст на чувствительность ценителя литературы к нюансам, к недомолкам, к поврванной струне человеческой исповеди», — так драматург характеризует «Обреченную на жизнь».

